

УДК 364.044.68(73):94(477.75)

«КРЫМСКИЙ ИНЦИДЕНТ»: О РАБОТЕ АМЕРИКАНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ПОМОЩИ В КРЫМУ ВО ВРЕМЯ ГОЛОДА 1921-1923 ГОДОВ

© 2018 Ю.Ю. Аншакова

Поволжский филиал Института российской истории РАН, г. Самара

Статья поступила в редакцию 12.10.2018

Во время голода начала 1920-х гг. в России работал ряд иностранных благотворительных организаций, оказывавших масштабную помощь голодающему населению страны. В статье характеризуется работа Американской администрации помощи по борьбе с голодом в Крыму, а также рассматривается конфликт между АРА и советскими властями, сложившийся из-за действий сотрудника Крымской АРА летом 1922 г.

Ключевые слова: голод 1921-1923 гг., Крым, Американская администрация помощи, международная гуманитарная помощь.

Одна из самых тяжелых страниц в истории России XX в. – голод 1921-1923 гг. В исторической памяти эта трагедия зафиксировалась как голод в Поволжье, однако в действительности его границы простирались от Петрограда до Челябинска и от Перми до Дагестана; одним из эпицентров голода оказался и Крым. Как и во многих других регионах, в частности, в Поволжье, признаки надвигающейся катастрофы в Крыму наметились еще осенью 1920 г., и, как и в других регионах, власти надеялись на то, что урожай 1921 г. поможет решить эту проблему. Этим надеждам не суждено было сбыться. С.А. Усов, видный крымский общественный деятель, отмечал в своем исследовании, посвященном сельскому хозяйству Крыма, что 1921 г. оказался исключительно тяжелым: погибло около 240 тыс. десятин посевов; на остальной площади урожай составил примерно 4,5 пуда на душу. Более того, несмотря на отмену продразверстки и провал урожая 1921 г., продразверстка хлеба и зернофуража с Крыма была взята в количестве 2795 тыс. пудов, чем были выкачаны из республики последние остатки продовольствия. Ухудшали положение Крыма недавние события гражданской войны, а также бандитизм. При этом наиболее пагубное влияние голод оказал на татарские деревни, некоторые из которых полностью обезлюдели. Дети и в деревнях, и в городах, куда бежали в попытках найти какую-то помощь крестьянские семьи, «мерли в буквальном смысле как мухи». Неизбежным следствием голода стало дальнейшее разрушение хозяйственной мощи крестьянских хозяйств; крестьяне забивали скот, в том числе и рабочий, и молочный, ради пропитания, этому способствовало и отсутствие запасов фуража; распро-

давались лошади и инвентарь. Хозяйственные силы крымской деревни оказались совершенно подорваны¹.

Тем не менее Крым не был включен в официальный список голодающих регионов и, соответственно, в государственную программу помощи. Президиум КрымЦИК, учитывая чрезвычайность положения, по собственной инициативе создал 1 декабря 1921 г. Центральную республиканскую комиссию помощи голодающим. ЦК Помгол Крыма подчинялись окружные и районные комиссии по борьбе с голодом². Ей пришлось организовывать спешную работу и добиваться признания Крыма голодающим, без чего комиссия не могла получить какие-либо ресурсы из центра и расширить свои функции³.

Вместе с тем зимой 1921 - весной 1922 гг. ситуация стремительно ухудшалась. Так, по материалам ЦСУ, в Крыму в 1921 г. проживало 707000 человек (347000 сельского и 360000 городского населения). По данным Крымпомгол, на 1 апреля 1922 г. в республике голодало 237831 взрослых и 244314 детей, всего – 536195 человек. Общая численность голодающих в России в целом, или, точнее, официально признанных голодающими, на тот момент составляла 17060183 человека⁴. Число смертей в Крыму на 100 душ, установленное в ходе обследования крестьянского питания и хозяйства, проведенного летом 1922 г. отделом статистики потребления ЦСУ, составило в 1919/20 г. – 1,8, 1920/21 г. – 3,9, 1921/22 г. – уже 12,2⁵. Как сообщил на совещании ЦК Последгол с делегатами X Съезда Советов (конец декабря 1922 г.) председатель ЦК Помгол Крыма Ю.П. Гавен, за истекший голодный год в Крыму умерло до 100000 человек. Зарегистрировано погибших было 96000, т.е. 14% населения республики. Население в Крыму в целом сократилось на 20%, живой инвентарь на 73%, посевная площадь в 1922 г. сократилась по отношению к пре-

*Аншакова Юлия Юрьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.
E-mail: anshakova@yandex.ru*

дыдущему году на 65%, т.е. больше, чем в других голодных губерниях⁶.

Крым был официально признан голодающим только 16 февраля 1922 г. Какая-либо помощь пришла еще позднее: общественное питание в Крыму началось с большой отсрочкой, соответствующие цифры появляются в отчетах весной – с 1 апреля 1922 г. продпомощь оказывали 45000 человек, причем только взрослым. На 1 июля 145376 взрослых жителей Крыма получали помощь в советских столовых и 95000 – в иностранных⁷.

13 июля 1921 г. Максим Горький по просьбе советского правительства выступил с обращением «Ко всем честным людям», в котором призвал мировую общественность оказать России помощь в борьбе с голодом. 20 августа 1921 г. в Риге был подписан договор между советским правительством и Американской администрацией помощи (АРА). На тот момент АРА являлась крупнейшей в мире благотворительной организацией с серьезным финансированием и опытными кадрами, она пользовалась поддержкой президента и конгресса. С 1919 г. АРА, созданная указом президента Вильсона, оказывала масштабную продовольственную помощь детям в 21 стране Европы и Ближнего Востока. Впоследствии были заключены договоры и с другими иностранными благотворительными организациями. За период с сентября 1921 г. по июнь 1923 г. АРА оказала Советской России колоссальную помощь продовольствием, медикаментами, одеждой и т.д. На пике своей активности (лето 1922 г.) АРА ежедневно обеспечивала продовольствием около 10,5 миллиона взрослых и детей. В целом помощь АРА составила около 80% от всей зарубежной помощи, оказанной России⁸.

По Рижскому договору с АРА советская сторона брала на себя расходы по транспортировке грузов по России от границы до распределительных пунктов, погрузочно-разгрузочным работам, возможному простою, хранению и т.п., связи, обеспечивала необходимые помещения для кухонь, склады, гаражи, топливо, посуду, гарантировала иностранным сотрудникам миссии свободное и бесплатное передвижение по России. Сотрудникам АРА надлежало посвящать себя исключительно делу оказания помощи и не заниматься политической или коммерческой деятельностью. Иностранные организации помощи, включая АРА, имели право выбора района, системы распределения и контроля, а также приглашения технического персонала из числа русских граждан. Территория, на которой работала миссия АРА, была поделена на районы, которые приблизительно совпадали с границами губерний и республик, однако могли включать соседние территории исходя из удобства организации работы, транспортной инфраструкту-

ры и т.д. Посредниками между органами местной власти и иностранными миссиями являлись полномочные представители при всех зарубежных организациях помощи, подчинялись они центральному Московскому полномочному представительству, во главе которого стоял А. Эйдук, а с лета 1922 г. – К. Ландер.

Несмотря на то, что АРА с сентября 1921 г. неуклонно увеличивала и географию своей деятельности, и число получателей помощи, ее работа в Крыму также началась довольно поздно. К примеру, один из сотрудников АРА, Фрэнк Голдер, в дневниковой записи за 2 апреля 1922 г. отмечал, что факт сильного голода в Крыму общеизвестен, однако по той или иной причине никаких просьб к АРА отправиться туда не поступало⁹. При этом еще 1 февраля Ю. Гавен обращался во ВЦИК с просьбой срочно признать Крым голодающим и войти в соглашение с АРА об открытии в Крыму ее отделения¹⁰. Одно из возможных объяснений приведено в письме украинского уполпреда в ЦК Помгол Украины от 9 марта 1922 г.: «ЦК РКП постановил не расширять пределов работы АРА вне Поволжья, так что на этом основании т. Эйдук не разрешает подготовительных работ для помощи АРА на Украине... Вопрос считается политическим ввиду того, что по заявлению тов. Эйдука, организации АРА имеют тенденции создавать определенные пункты на окраинах советских республик. Ввиду вышеизложенного заявления тов. Эйдука запрещена также помощь АРА для Крыма»¹¹. Заметим, что больше ни в одном известном нам документе, включая донесения ЧК-ГПУ о работе иностранных гуманитарных миссий, о подобных «тенденциях» АРА не упоминается, а вот желание не расплывать ресурсы АРА и не пускать ее в недавнее «гнездо белогвардейщины» кажется вполне допустимым. АРА, где бы она ни работала – в Петрограде, Москве, Казани или Симферополе – становилась центром притяжения для представителей интеллигенции, буржуазии, дворянства. Для последних это была попытка наконец-то найти работу, в некоторой степени нормализовать свою жизнь, вернуть адекватный круг общения, так что сотрудниками контор АРА, помимо прочих, оказывались бывшие графини, баронессы, царские офицеры и земские деятели. Для самой же АРА это был и способ получить квалифицированных и ответственных сотрудников – переводчиков, машинисток, счетоводов и т.п. – и оказать поддержку социальной группе, оказавшейся в очень сложном и уязвимом положении.

АРА появилась в Крыму в начале мая 1922 г., но только в конце июня стали приходить ее продгрузы. Директором Крымской АРА стал Трейси Коул, который прибыл из Вены и ранее в других округах АРА в России не работал.

Коул служил в американском военном флоте, являлся членом демократической партии. «Как работник «по голоду» – очень энергичный», – так охарактеризовали американца в докладе особого отдела Крымского политуправления «о работе в области АРА к 15 июля 1922 г.». Его заместителем, а также заведующим портовыми операциями являлся Уильям Кейси, двадцати с небольшим лет, он служил в армии и воевал во Франции. Предшествующие два года Кейси провел во Франции. Посылочными операциями по Крыму заведовал Малькольм Грант, 24-25 лет, бывший офицер береговой тяжелой артиллерии. В Россию Грант приехал в марте 1922 г. До службы в армии Грант служил конторщиком в американском банке в Мадриде. В характеристике, данной в докладе Гранту, подчеркивается, что он «мнения о советской власти очень плохого. С рабочими и служащими обращается как настоящий американский эксплуататор. Темперамент весьма горячий, необузданный. Поддерживает связь исключительно с бывшей буржуазией. О рабочих организациях и т.п. отзывается презрительно»¹².

Неудивительно, что подобное отношение и манера поведения, наложившиеся на «весьма горячий темперамент», привели к острому конфликту между Крымской АРА и советскими властями и стали причиной единственного явного случая удаления сотрудника АРА из России по политическим мотивам, который будет описан ниже.

В Крыму АРА продолжила практику привлечения на работу местных сотрудников из «бывших». Переводчиком при дирекции АРА состоял т. Гутштейн, который, по информации того же доклада, работал в 1920 г. при Врангеле в качестве заведующего складом Британской военной миссии в Севастополе. В окружных городах – Симферополе, Севастополе, Ялте, Феодосии, Евпатории, Керчи и Джанкое – были организованы окружные комитеты АРА. В качестве примера приведем состав Симферопольского комитета с характеристиками его членов: «1) Усов Сергей Александрович – председателем. До сего времени служил в Крымсоюзе, бывш. член партии народной свободы, земский и общественный деятель (состоял городским головой), состоял редактором газеты «Южные ведомости». 2) доктор Дзевановский – умный и хитрый человек, дипломат – хорошо учитывающий обстановку, со всеми любезен и все делает так, что трудно подкопаться, ярый кадет. Фактически он является председателем, а Усов – орудием в его руках для проведения тех или иных необходимых мероприятий. 3) учительница Архангельская Мария Андреевна. До сего времени служила в Наркомпросе. Ведет себя почти в контакте с представителями власти, бывш. член партии эсеров, но оттуда вышедшая по ряду причин семейного характера. 4) профессор Теплицын

– член правления, в политическом отношении пассивный. За всеми указанными лицами ведется наблюдение»¹³.

И Усов, уже упоминавшийся в начале данной статьи, и Дзевановский – люди, оставившие свой след в истории Крыма. Антон Андреевич Дзевановский (1872-1953) родился в семье потомственных польских дворян, получил медицинское образование, долго и плодотворно работал земским врачом. Именно благодаря его протекции получил место санитарного врача в Феодосийском уезде Д.И. Ульянов. Дзевановский и Ульянов сблизились и стали друзьями, эта дружба продолжалась много лет и после революции. Был арестован Крымской ЧК в феврале 1921 г. и отпущен за недоказанностью обвинения. Сергей Александрович Усов (1863-1927) – окончил военное училище, значительную часть жизни прожил в Симферополе. До 1916 г. был журналистом, редактором, а затем и владельцем газеты «Южные ведомости». В сентябре 1916 г. был назначен особым уполномоченным Московского военно-промышленного комитета на Северном фронте, состоял в этой должности до начала 1918 г., когда Северный фронт был ликвидирован, после чего вернулся в Симферополь. В том же 1918 г. Усова избрали гласным Симферопольской городской думы и членом управы. В октябре 1919 г., после кончины симферопольского городского головы В.А. Иванова, Усов был избран на эту высокую должность, в которой состоял до своего ареста за контрреволюционную деятельность в ноябре 1920 г. Освобожден в том же месяце за недоказанностью обвинения. Впоследствии занимался научной и общественной деятельностью¹⁴.

Как отмечается в докладе, «личная тенденция председателя – набирать лиц честных, интеллигентов, а не «кого попало». Заметно также игнорирование предложений представителей местной власти, которое выражается в отказе пользоваться справками и услугами соворганов. Способ вербовки подобных «деятелей» следующий: местные аровцы держат непосредственную тесную связь с Москвой и прочими местностями России, где работают другие комитеты АРА. Последние у своих сотрудников узнают фамилию какого-либо одного «надежного» лица, и сообщают сюда, здесь же уже через посредство этого лица вербуют себе и остальных»¹⁵.

Особое внимание в докладе уделено поведению советского полпреда при заграничных организациях в Крыму Карпова. В частности, подчеркнуто, что Карпов уделяет крайне мало внимания работе и практически не оказывает АРА содействия, по непонятным причинам добивается переформирования комитета и однажды в присутствии своего заместителя Литвина и секретаря Белюстина резко заявил, что он хочет

сорвать работу АРА. Также «во время одной из попок в летнем саду, Карпов будучи изрядно выпившим, в присутствии американцев сказал, что «мы должны затуманить им мозги» (это было выражено вульгарно). После этого отношение к нему американцев стало еще более антипатичным. Карпов, как бывший начдив, иногда дает понять американцам, что вы имеете дело с генералом. На это Коль ему сказал, что нам очень лестно, что советское правительство оказывает там такое внимание, но лучше было бы иметь у ... (неразборчиво. – Ю.А.) не командующего генерала, а содействующего поручика»¹⁶.

Как уже упоминалось, деятельность АРА в Крыму разворачивалась медленно и по своим масштабам сильно уступала работе в губерниях и республиках Поволжья, где летом 1922 г. АРА оказывала продовольственную, медицинскую и вещевую помощь миллионам человек. К примеру, за вторую половину июля АРА отпустила по округам Крыма следующее количество пудов продпайка для взрослых: Симферопольский – 8400, Севастопольский – 5600, Феодосийский – 5600, Евпаторийский – 3150, Ялтинский – 2800, Керченский – 2100, Джанкойский – 3850, Алуштинский – 1750 (цифры в пудах). Взрослый паек составлял один фунт кукурузы в день и выдавался сразу на две недели или даже месяц вперед. Детские пайки распределялись по округам следующим образом: Симферопольский – 12000, Феодосийский – 9 300, Севастопольский – 7000, Джанкойский – 5000, Ялтинский – 4500, Евпаторийский – 4000, Керченский – 3000, Алуштинский – 2550 (цифры в пайках). Детский паек АРА состоял из муки, крупы, сахара, жиров, какао и молока, общим весом 228 г в день. Продукты на местах распределялись местными комитетами АРА, в состав которых входили врач, учитель и агроном – со стороны АРА, и представители окрпомгола и исполкомов – от местной власти. Продовольствие распределялось по спискам, составленным местными комитетами помгол и комитетами взаимопомощи и непосредственно через эти же организации¹⁷.

Количество получавших продовольственную помощь АРА зависело от этапа работы; соответствующие данные с начала питания и до конца работы АРА в России летом 1923 г. представлены в табл. 1.

Помимо горячего питания для детей и выдачи кукурузных пайков взрослым АРА осуществляла еще одну программу продовольственной помощи – программу продуктовых посылок. Действовала она следующим образом: каждый желающий в Америке или Европе платил АРА 10 долларов, АРА обязывалась найти в России человека, которому предназначалась помощь, и доставить ему посылку с продуктами общим весом в 117 фунтов (49 фунтов муки, 25 фунтов риса, 3 фунта чая, 10 фунтов жиров, 10 фунтов сахара, 20 банок сгущенного молока по 1 фунту). Для рекламы этой программы АРА распространила в России около 1,5 млн открыток. Российские граждане могли вписать в них свои имена и адреса, а АРА отправляла их в Европу и Америку. Эта программа оказалась весьма эффективной: она помогала организовывать адресную помощь, а также восстанавливать разрушенные связи между близкими людьми. Чаще всего при помощи продпосылок эмигранты помогали оставшимся в России родственникам и друзьям. Для реализации программы на местах были созданы специальные отделы, которые проводили кропотливую работу по розыску адресата и установлению его личности. Подобный отдел работал и в Крыму, за время его работы тысячи жителей республики смогли получить продпосылки из-за границы. К примеру, только за октябрь-декабрь 1922 г. Феодосийский склад выдал около 3700 посылок¹⁹. Именно посылочный отдел возглавлял упомянутый выше Малькольм Грант.

Напряженные отношения крымского полпреда Карпова с местной АРА привлекли внимание центрального полномочного представительства по работе с иностранными организациями помощи в Москве почти сразу, еще в июне 1922 г., но в целом история растянулась на все лето. Собственно, и доклад особого отдела о работе Крымской АРА и Карпове

Таблица 1. Количество получающих продовольственную помощь АРА в Крыму, 1922-1923 гг.¹⁸

1922						
	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь
<i>детей</i>	–	3 100	43 269	56 047	61 089	31 756
<i>взрослых</i>	95 300	91 000	92 000	2 119	1 671	1 745
<i>всего</i>	95 300	94 100	135 269	58166	62 760	33 501
1923						
	январь	февраль	март	апрель	май	июнь
<i>детей</i>	44 267	46 396	69 506	118 108	132 254	92 575
<i>взрослых</i>	3 433	3 174	3 077	6 758	13 952	9 956
<i>всего</i>	47 700	49 570	72 583	124 863	146 206	102 531

потребовался потому, что Москва была вынуждена вмешаться в происходящее. Руководитель отдела посылок Грант передал в Москву с Карповым для дальнейшей пересылки в США свою корреспонденцию, включая письмо, адресованное матери в Бирмингем, штат Алабама. Корреспонденция, конечно, была вскрыта, проверена цензурой, ее перевод – впрочем, местами неточный – оказался настолько скандальным, что московский уполпред предложил отправить его копии в ЦК Сталину, Каменеву и Дзержинскому, а также потребовать от АРА высылки Гранта из России²⁰. Содержание письма действительно довольно любопытно и поэтому приводится практически целиком в приложении к данной статье. Остается только удивляться, почему Грант вообще счел возможным отдать в руки Карпову личные бумаги, к тому же содержащие формулировки о советских работниках вроде «я раньше себе не представлял, что значит иметь американский паспорт в своем кармане, когда ругаешься с этими грязными животными». При этом Грант открыто и неоднократно конфликтовал с Карповым, не стеснялся публично за глаза критиковать его, говоря, что не желает иметь дело с советскими генералами, которые умеют только пить. Помимо разнообразных нелестных характеристик в переписке Гранта упоминается покупка вина из царских погребов и ковров из Ливадийского дворца, а также имеется вложение – письмо от одной из жительниц Симферополя, адресованное Алисе Гертнер в Массачусетс, в котором автор умоляет «достать визу для Володи, чтобы он мог со мной приехать в Америку, т.к. для него оставаться в России равносильно смерти – он слишком много здесь страдает»²¹.

Уже в начале июля в московскую контору АРА поступило от уполпреда требование выслать Гранта, поскольку он уличен в действиях, порочащих АРА и нарушающих условия Рижского соглашения между АРА и Советским правительством, в том, что он устраивал и облегчал переписку проживающих в Крыму и других местах России граждан с зарубежными эмигрантами, и в том, что г-н Грант скупал ценные, не подлежащие вывозу товары и редкости, т.е. занимался и политической, и коммерческой деятельностью. В качестве доказательства было предоставлено письмо, которое якобы «случайно» попало в советскую военную цензуру (почта АРА приравнивалась к дипломатической и цензуре не подлежала)²².

В конечном итоге АРА, проведя собственное расследование, выслала Гранта, но московский уполпред на этом не остановился и принял определенные меры уже по отношению к Карпову: ему было предложено выехать из Крыма и занять должность полпреда в Оренбурге. Предложение Карпов воспринял крайне негативно и

в ответном письме настаивал на том, что его отзыв с работы «в момент высшего напряжения и замена буквально пешкой (говорю ответственно перед РКП и вами) является актом опрометчивым, допустимым только в дни партизанщины», «меня чрезвычайно ошеломило столь бесцеремонное отношение и оценка беззаветной работы в Крыму по делу развертывания аппарата АРА для питания голодающих в Крыму, но также не ожидал столь грубой и откровенной прямолинейности, даже без флер де оранжа» и т.п. Подробные сведения о том, насколько беззаветной была работа Карпова, предоставила московская контора АРА: в характеристике, в частности, упоминается, что 35 вагонов продгрузов почти неделю простаивали на путях, пока Карпов ездил в Ялту устраивать г-жу Карпову на виллу; Карпов разместил свою контору в Симферополе, в то время как контора Крымской АРА находилась в Феодосии, и это, соответственно, приводило к большим задержкам в работе. При этом АРА активно использовала Феодосийский порт для доставки продгрузов в Россию и дальнейшей отправки в регионы, поэтому Феодосия играла в работе американцев важную роль. Кстати, и в письме Гранта к матери упоминалось о том, какие прекрасные вина г-н Карпов «крадет из царских погребов». Впоследствии Ландеру пришлось неоднократно напоминать Карпову о необходимости оставить Крым и ехать в Оренбург, но лишь в августе с трудом и под нажимом от него удалось добиться выполнения приказа²³.

По всей видимости, Ландер надолго запомнил крымский конфликт и роль Карпова в нем, очень невысоко он оценивал и его последующую работу в Оренбурге. Так, в октябре 1922 г. Ландер писал в ЦК Последгол и властям Крыма, что до него дошла информация о желании Президиума КрымЦКПомгол представить Карпова к награждению званием «Герой труда» с занесением его имени на «красную доску», и выразил свое резко отрицательное мнение по данному поводу. Примечательно, что резолюция о награждении включала характеристики типа «не щадящий себя, не считающийся со временем, местом, проникая буквально во все глухие углы Крыма», «верный государственный тон, который был дан т. Карповым всему делу» и т.д. Ландер напомнил, что именно из-за Карпова произошла значительная задержка в развертывании питания детей и взрослых в Крыму, «т.к. он практически не мог заставить иностранцев своевременно начать свою деятельность. Кроме того, считаю необходимым указать, что вся работа тов. Карпова в Оренбурге совершенно дискредитирует его как работника и как партийного товарища. Его генеральская замашка, внешняя pompa, абсолютное отсутствие практического подхода к делу и совершенное нежелание считаться с на-

шим тяжелым финансовым положением делает его недостойным той чести, которой его Крымцекапомгол желает наградить»²⁴.

В конце концов работа АРА в Крыму наладилась и продолжалась до 20 июня 1923 г. Коула на посту директора Крымской АРА сменил Эдвард Фокс, ранее работавший в Симбирском отделении АРА, его отношения с местными властями складывались не в пример успешнее. В годовщину начала работы АРА в республике был дан банкет, на котором присутствовали директор АРА в Крыму Фокс, его заместитель Кейси, представитель Итальянского Красного Креста В. Пиньятелли, новый полпред Хозяинов, председатель СНК Крыма Саид-Галиев, представитель КрымЦИК Чабан-Заде, зампред ЦКПоследгол Крыма Ибраимов, наркомы финансов, здравоохранения, просвещения и др. Звучали соответствующие моменту торжественные речи, о взаимных претензиях и конфликтах никто не вспоминал. Открывая банкет, Хозяинов поблагодарил АРА за работу, за выказанное горячее желание оказывать помощь голодающей России и помочь ей восстановить разрушенное многолетней гражданской войной и, главным образом, голодом хозяйство и выйти из тяжелого экономического положения. В ответной речи Фокс подчеркнул, что американский народ первым пошел на встречу голодающему русскому народу, встретив со стороны советского правительства радужный прием и полное содействие в работе, а также выразил надежду, что оба народа найдут общий язык не только на почве работы по борьбе с голодом, но также и в прочих областях государственной жизни двух трудолюбивых наций. Далее с приветственной речью выступил председатель Крымсовнаркома Саид-Галиев, отметивший ценность работы АРА и выразивший надежду, что американский народ в недалеком будущем завяжет самую твердую дружбу со свободным русским народом, кроме того, он преподнес адрес с выражением благодарности «от имени трудящейся Крымской советской социалистической республики Американской администрации помощи и американскому народу за отзывчивость и оказанную помощь народам России»²⁵.

Приближается столетний юбилей голода 1921-1923 гг., а также уникального эпизода в истории российско-американских отношений, когда представители столь разных культур пытались найти, хотя и не без провалов, общий язык, преодолеть враждебность, урегулировать крымский и ряд других инцидентов (АРА такие случаи конфликтов с советскими властями называла по месту событий – «Сарапульский инцидент», «Царицынский инцидент» и т.п.²⁶) и смогли реализовать один из самых масштабных гуманитарных проектов в истории, выразили

надежду на дружбу и сотрудничество. И сейчас, спустя 100 лет, нам остается то же самое – пытаться преодолевать предубеждения и выражать надежду на возможность сотрудничества «двух трудолюбивых наций».

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письмо М. Гранта, сотрудника Крымской АРА, матери²⁷

Копия с копии
Перевод с английского
Симферополь, Крым, 11 июня 1922 года

Дорогая мама,

Я вернулся сюда для организации работы, устройства канцелярии, складов, и они обещают мне помещение, в котором я смог бы устроиться комфортабельно. Я провел все время после обеда в разговорах с людьми, которые являются предполагаемыми кандидатами в Симферопольский комитет.

У нас имеются комитеты в каждом большом городе, которые контролируют распределение пищи для детей и являются важными орудиями для блага или для зла, если Советы захотят контроль над ними, как они это стараются сделать. Радуюсь, когда говоришь с немногими бывшими людьми, настоящими стойкими, воспитанными, образованными людьми, оставшимися от старого режима. Сегодня, после обеда, я провел около часа в разговоре с бывшим градоначальником гор. Симферополя (С.А. Усовым. – Ю.А.), который теперь едва перебивается, выселенный в скверную квартиру, вместе со своей семьей. Он все еще старается отдавать все свое время и средства бедным и нуждающимся.

Полный контраст представляет мой следующий визит к председателю Крымсовнаркома, а я по словам поэта – послал его к чорту за то, что он не оказывает нам помощь в нашей работе. Я раньше себе не представлял, что значит иметь американский паспорт в своем кармане, когда ругаешься с этими грязными животными. Я уверен, что когда я говорю с ними, – души их грязно-коричневого цвета и что от них исходит зловоние... Я провожу большую часть дня в кровати... Сегодня после обеда я поехал в окрестности на «Форде». Зашел к очень симпатичной семье, которую я встретил здесь. Родители и дочь около 20-ти лет; они, как и многие другие, здесь раньше были состоятельные: он был судьей там, что теперь называется Эстонией. Теперь он хранитель музея. Кстати, о музее. Я имею возможность купить несколько персидских и турецких ковров замечательно красивых, и я думаю, что куплю. Скажите Доротее, что если она хочет купить некоторые из этих ковров, которые красные украли

из царского дворца в Ливадии, присылайте мне денег, и я несколько достану для нее.

Здесь не может быть моральных колебаний – они будут ваши или кого-нибудь другого. Я всегда стремился иметь вещи, чтобы обставить красиво одну комнату, и я думаю, что теперь я это сделаю. Я должен заметить и послать это письмо с г-ном Карповым в Москву (он генерал, боло-мишень²⁸ моих самых сильных ругательств на последний месяц). Мы обедали сегодня вечером вместе (какое хорошее вино он крадет из царских погребов). На днях мы пили портвейн, которому 85 лет. Я хотел бы, чтобы Вы могли попробовать его. Дав немного продовольствия зрителю, можно получить великолепное старое 35-ти летнее вино.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Усов С.А. Историко-экономические очерки Крыма. Прошлое и настоящее крымского сельского хозяйства. Симферополь, 1925. С.261-262.
- ² Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей: из истории гражданской войны в Крыму. Симферополь, 2008. С.697-698.
- ³ Итоги борьбы с голодом. М., 1922. С.221.
- ⁴ Бюллетень ЦКПомгол ВЦИК. 1922. №5-6-7. С.129-130.
- ⁵ После голода. 1923. №2. С.34.
- ⁶ Там же. С.79.
- ⁷ Итоги борьбы с голодом. М., 1922. С.464-465.
- ⁸ Fisher H. The Famine in Soviet Russia. 1919-1923. The Operations of the American Relief Administration. N.Y.,

1927. P.553-554, 557.
- ⁹ War, Revolution and Peace in Russia: The Passages of Frank Golder, 1914-1927. Comp. and ed. T. Emmons and V.M. Patenaude. Stanford, 1992. P.158.
- ¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-1064. Оп.7. Д.26. Л.8об.
- ¹¹ Голод 1921-1923 років в Україні. Збірник документів і матеріалів. Київ, 1993. С.102-103.
- ¹² ГА РФ. Ф. Р-1064. Оп.7. Д.23. Л.253.
- ¹³ Там же. Л.254.
- ¹⁴ См. подробнее: Филимонов С.Б. Тайны судебных следственных дел. Документальные очерки о жертвах политических репрессий в Крыму в 1920-1940-е гг. Симферополь, 2000.
- ¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-1064. Оп.7. Д.23. Л.254.
- ¹⁶ Там же. Л.255об.
- ¹⁷ Там же. Л.255об.-256.
- ¹⁸ Fisher H. The Famine in Soviet Russia. 1919-1923. P.557.
- ¹⁹ После голода. 1923. №2. С.99.
- ²⁰ ГА РФ. Ф. Р-1064. Оп.7. Д.23. Л.32.
- ²¹ Там же. Л.37.
- ²² Там же. Л.38, 39, 44.
- ²³ Там же. Л.241, 244, 246-248, 258.
- ²⁴ Там же. Д.10. Л.7, 9.
- ²⁵ Там же. Ф. Р-1058. Оп.1. Д.66. Л.178.
- ²⁶ См. например: Аншакова Ю.Ю. «Голод вызвал нескрываемую радость у наших врагов»: об отношении советской власти к зарубежной гуманитарной помощи во время голода начала 1920-х годов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т.17. №3(2). С.399-406.
- ²⁷ ГА РФ. Ф. Р-1064. Оп.7. Д.23. Л.257-257об.
- ²⁸ Bolo – так американские сотрудники АРА сокращенно называли большевиков.

THE «CRIMEAN INCIDENT»: THE AMERICAN RELIEF ADMINISTRATION OPERATIONS IN CRIMEA DURING THE FAMINE OF 1921-1923

© 2018 Yu.Yu. Anshakova

Volga Branch of Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Samara

Several international humanitarian organizations led a massive relief campaign in Russia during the famine of 1921-1923. The article deals with the relief aid provided by the American Relief Administration to the starving population of Crimea, and covers a conflict caused by the Crimean ARA worker's actions in summer of 1922.

Keywords: famine of 1921-1923, Crimea, American Relief Administration, international relief aid.